ЖАК БАРЗЕН

Перевод с англ. и комментарии:

Ермакова Алина Олеговна
студент, Liberal Arts, история
Тел.: +7 (495) 433-25-62
E-mail: lina.alina1996@yandex.ru
Ерёмина Софья Сергеевна
студент, Liberal Arts, история
Тел.: +7 (495) 433-25-62
E-mail: sofyaeremina@gmail.com
Абдулвасиев Муминшо Абдулвасиевич
студент, Liberal Arts, менеджмент
Тел.: +7 (495) 433-25-62
E-mail: muminshoam@gmail.com
Бережко Ирина Алексеевна
студент, Liberal Arts, реклама и связи с общественностью
Тел.: +7 (495) 433-25-62
E-mail: Beregol-25@mail.ru

Предисловие:

Неклюдова Мария Сергеевна
зав. кафедрой культурологии и социальной коммуникации, ШАГИ РАНХиГС
Тел.: +7 (499) 956-96-48
E-mail: neklyudova-ms@ranepa.ru

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82

От рассвета к декадансу (пролог)

Аннотация. Публикуется комментированный перевод фрагмента из книги американского критика Жака Барзена «От рассвета к декадансу: 500 лет культурной жизни Запада (с 1500 года до наших дней)» (2000), выполненный студентами РАНХиГС в рамках курсового проекта.

Ключевые слова: культура, культурная история, декаданс, эмансипация, модерн, великие книги

«От рассвета к декадансу: 500 лет культурной жизни Запада (с 1500 года до наших дней)»[1] принято называть итоговым трудом Жака Барзена: к этому располагает и возраст автора, которому к моменту публикации книги было за

[1] *Barzun J.* From dawn to decadence: 1500 to the present: 500 years of Western cultural life. New York: HarperCollins, 2000.

© М. А. АБДУЛВАСИЕВ, И. А. БЕРЕЖКО, А. О. ЕРМАКОВА, С. С. ЕРЕМИНА, перевод с англ.
© М.С. НЕКЛЮДОВА, предисловие
© HARPERCOLLINS PUBLISHERS

девяносто, и тематический охват, и дата появления тома, вышедшего на рубеже двух тысячелетий. Выигрышное сочетание всех обстоятельств указывает на продуманную издательскую стратегию. На протяжении более полувека Жак Барзен принадлежал к числу тех, кого принято именовать «публичными интеллектуалами», и его влияние на американскую культуру XX в. нельзя недооценивать.

Известный литературный и музыкальный критик, автор нескольких десятков книг (пять из которых вышли после «От рассвета к декадансу»), Барзен (1907–2012) не только был свидетелем своего времени, но и принимал активное участие в формировании общественных представлений о том, зачем нужны гуманитарные знания и в чем их суть. Значительная часть его карьеры была связана с Колумбийским университетом, где он вместе с Лайонелем Триллингом (еще одним влиятельным американским критиком середины XX в.) на протяжении многих лет вел знаменитый «Коллоквиум по важным книгам» (Colloquium on Important Books) — семинар, в рамках которого студенты читали и обсуждали литературные произведения, являющиеся частью западноевропейского канона. Несмотря на очевидное сходство с таким проектом как «Великие книги», колумбийский коллоквиум отличался эксклюзивностью, студенты проходили через жесткий отбор, и их участие в еженедельных обсуждениях текстов, проводившихся историком (Барзен) и филологом (Триллинг), было привилегией, которую надо было заслужить. В 1920-е годы, когда аналогичный курс был задуман Джоном Эрскином, такая эксклюзивность отчасти компенсировала то, что воспринималось как снижение профессиональных стандартов, поскольку классика (а в основном это были именно античные памятники) изучалась не на языке оригинала, а в переводах. Когда в 1932 г. семинар возобновился под руководством Барзена (переименовавшего его в коллоквиум) и Триллинга, акцент постепенно сместился на более близкие периоды, и список книг уже охватывал сочинения XIX в. Но тематическое расширение отнюдь не предполагало внутренней «демократизации», тем более что с 1937 г. Колумбийский университет ввел обязательный курс по «гуманитарным дисциплинам» (the Humanities), знакомивший всех студентов с основными текстами западного литературного и философского канона.

«От рассвета к декадансу», конечно, не является прямым продолжением Колумбийского коллоквиума, поскольку и интересы, и деятельность Жака Барзена отнюдь не ограничивались преподаванием, от которого он отошел в 1970-е годы. Однако сама композиция книги, желание найти сквозные тематики и общие культурные импульсы (стремление к эмансипации, примитивизму и т. д.), встроить привычные «списки необходимой литературы» в смысловые системы — все это напоминает о тех задачах, которые неизбежно ставит перед собой преподаватель. Сюда же можно добавить характерное балансирование между элитарностью и демократизмом и выбор в качестве объяснительной модели «декаданса», что многие критики поспешили отнести за счет возраста и воспитания автора. Эта модель не только уместна в ситуации fin de siècle, но, в отличие от модели «прогресса», позволяет рассматривать как реализованные, так и не реализовавшиеся возможности, а потому обладает бóльшим повествовательным потенциалом. Не говоря о том, что культурный пессимизм представляет собой форму культурной критики, без которой невозможно изучение гуманитарных дисциплин.

Публикуемый фрагмент из «От рассвета к декадансу» (p. xiii–xviii) был переведен студентами факультета Liberal Arts Института общественных наук РАНХиГС, обучающимися по той системе, которую Жак Барзен помогал создавать в далекие 1930-е годы.

Пролог: от насущных проблем к предмету этой книги

Сталкиваясь с выражением «наше прошлое» или «наша культура», читатель задается вопросом: «Кто это *мы*?». Тут каждый решает сам за себя: это один из признаков сегодняшнего разлада, поскольку невозможно сказать, какие люди или группы считают себя частью эволюции, о которой пойдет речь.

Такое положение дел обусловлено самой эволюцией. Наша культура находится в той периодической стадии развития, когда, в силу разных причин, у многих возникает желание отгородиться от прошлого. Одни испытывают отвращение к тем аспектам настоящего, которые кажутся чем-то вроде унаследованных родовых проклятий. Другие ожесточенно нападают на те или иные исторические периоды или делают вид, что их просто не было. Национальное, религиозное и культурное прошлое становится вопросом выбора; люди, чувствующие потребность «обрести корни», склонны находить их там, где заблагорассудится. Культура уже обладает многовековой историей и продолжает свое развитие, а потому запас традиций и убеждений сверх изобилен.

Эта страсть к обособлению объясняет, почему многим кажется, что нам надо отречься от Запада. Однако никто не говорит, что должно или смогло бы его заменить. Так или иначе, представление о западной культуре как о чем-то неразрывном и однозначном никак не соответствует реальности. Запад всегда состоял из бесконечных противоположностей, будь то в религии, политике, искусстве, в моральных принципах и в этике, многие из которых сохраняются до сих пор, спустя века после их первого появления. Отречься — не значит освободиться от того, что ненавидишь; игнорирование прошлого не исключает возможность его влияния. Посмотрите на юношу, идущего по улице в наушниках: его внимание поглощено изобретением Маркони[2] и произведением звучащего композитора, т. е. он сопричастен к жизни и того и другого. Посетитель музея, рассматривающий Рембрандта, получает послание из XVII в. А ярый последователь Мартина Лютера Кинга может на секунду задуматься над именем своего кумира, которое напоминает о Реформации и соединяет XX век с XVI столетием.

Если взять наше обыденное существование, то каждый, получающий какую-либо из форм социальной помощи, здесь или за границей, выступает бенефициаром идей длинной череды теоретиков и активистов, среди которых мы находим такие непохожие друг на друга фигуры, как Флоренс Найтингейл[3], граф Анри де Сен-Симон, Бисмарк и Бернард Шоу. Политический изгнанник, находящий принимающую его нацию очевидно более близкой ему по духу чем та, от которой он бежал, может вздохнуть полной грудью благодаря

[2] Гульельмо Маркони (1874–1937) — итальянский радиотехник и предприниматель, лауреат Нобелевской премии по физике за 1909 г., изобретатель беспроводной связи.

[3] Флоренс Найтингейл (1820–1910) — «леди с лампой», сестра милосердия, общественный деятель Великобритании; повлияла на реорганизацию армейской медицинской службы, основы Международного общества Красного Креста; создательница школы для сестер милосердия при больнице Святого Фомы в Лондоне.

героическим усилиям тысяч мыслителей и деятелей, знаменитых или малоизвестных, мучеников или обычных людей, сообща бившихся за политические свободы, хотя во всем прочем они могли оставаться противниками.

Если новоиспеченный гражданин решит критиковать принявшую его страну, безнаказанно осуждая ее политику и политиков, то он может позволить себе такую роскошь благодаря Вольтеру, которому также пришлось уехать за границу для того, чтобы избежать гонений и остаться при своем мнении. Даже террорист, таранящий здание в какой-нибудь ненавистной ему стране на машине, начиненной взрывчаткой, является частью того, что он собирается разрушить: его оружие — труды Альфреда Нобеля и изобретателей двигателя внутреннего сгорания. Его цель была обоснована такими защитниками национального самоопределения, как президент Вильсон, и такими рационализаторами насилия, как Жорж Сорель[4] и русский анархист Бакунин.

Видеть эти связи — значит понимать, что плоды западной культуры — права человека, социальные льготы, машинное оборудование — не появились просто так, как сорняки из земли; это труд бесчисленных рук и умов.

Я упомянул известные имена, но у них были свои, не столь знаменитые предшественники, а затем последователи, которые упорно цеплялись за их идеи и повторяли их, пока они не стали общепризнанными. Непрекращающаяся энергия этих деяний и есть «живое прошлое»; они составляют суть того, что сейчас называется «культурой».

* * *

«Культура» — какое слово! Еще пару лет назад оно подразумевало две или три взаимосвязанные вещи, легко понимаемые и отличаемые друг от друга. Сейчас же это универсальный жаргонизм, который покрывает широкий спектр пересекающихся понятий. Люди говорят и пишут о культуре разных сегментов общества начиная с контркультуры и многочисленных субкультур: этнической, корпоративной, подростковой и современной. В редакционной статье «New York Times» говорится о культуре городской полиции, а в колонке о путешествиях проводится различие между культурой путешествия на самолетах и на автобусах. Сходным образом разрыв между «двумя культурами», научной и гуманитарной, предстает, не побоюсь этого сравнения, как «культурная несовместимость» мужа и жены, итогом которой становится развод. Художники не просто испытывают соблазн присоединения к протестной культуре, а считают это своей обязанностью, так как художник по определению должен быть «врагом своей культуры», но одновременно (как на другой странице расскажет тот же журнал) и «продуктом собственной культуры». Последним словом в образовании является мультикультурализм, а в сфере развлечений высшей похвалой считается характеристика «межкультурное событие». Мировая арена, в свою очередь, пестрит предупреждениями экспертов об уже разгорающихся культурных войнах.

Под всей этой кучей значений погребена «культура» как воспитание ума. На вашем журнальном столике может лежать энциклопедия — тысячи культурных фактов в книжном переплете, — но вызывает сомнение, сможет ли этот

[4] Жорж Сорель (1847–1922) — французский философ и публицист, автор «Размышления о насилии» (1906).

золотой фонд информации самостоятельно взрастить цельный ум, развивать его изо дня в день и освобождать от провинциализма. Один мудрец сказал: «Культура — это то, что остается после того, как вы забыли все, что хотели узнать». Как получилось, что культура (в самом базовом смысле, идущем от аграрной метафоры) утратила авторитет и оказалась обременена значениями, для которых имеются другие подходящие слова? Эти внезапно сфабрикованные мини-культуры очевидно являются фиктивными. Но они симптоматичны для уже упомянутой тенденции к сепаратизму, который возникает из-за того, что люди постоянно натыкаются друг на друга, на каждом шагу сталкиваясь с принуждением, когда кто-то или что-то постороннее, будь то техника или правила бюрократии, навязывают им свою волю. Отсюда и желание сбиться в маленькие группки со схожим образом жизни.

Но надежда таких небольших сообществ на облегчение своего положения — утопия, поскольку они отнюдь не независимы. Их «культура» состоит исключительно из локальных обычаев и традиций, индивидуальных или институциональных привычек, классовых манер и предубеждений, языка или диалектов, воспитания или профессии, вероисповедания, взглядов, моды и суеверий или же, в конце концов, основана на сходстве темперамента. Если различные сопряжения таких элементов следует назвать одним словом, то это *этос*. Пресса, не говоря уже о медиа, со своей любовью к терминам греческого происхождения, могла бы быстро ввести его в оборот.

* * *

Но какова суть культуры в широком смысле слова? Если посмотреть на эволюцию искусства, науки, религии, философии и общественной мысли, то, как я надеюсь показать, за последние 500 лет населявшие Запад народы дали миру нигде ранее не встречавшиеся идеи и институты. Как уже говорилось, это было единство огромного разнообразия. Запад никогда не был «чистопородной» цивилизацией, но всегда широко заимствовал у других, черпая силы в разногласиях и оригинальности. Несмотря на хаотичность и конфликты, он шел к определенным целям, т. е. стремился к единству. Теперь, когда они достигнуты в максимально возможной мере, это стало залогом его распада. В неразрешимых противоречиях нашего времени — национализме, индивидуализме, выступлениях за или против высокого искусства, строгой морали и религиозной веры — угадывается предвестие конца.

В наши дни индивидуум обладает многочисленными правами, включая право делать то, что считает нужным, без препятствий со стороны властей. И каждое из существующих прав принадлежит всему живому: нелегальным иммигрантам, школьникам, преступникам, детям, растениям и животным. Такая всеобщая независимость, результат бесчисленных сражений, является отличительной чертой Запада. Эмансипация — одна из культурных тем эпохи и, вероятно, наиболее характерная. Естественно, это приводит к большим ограничениям, чтобы права одного человека не нарушали права другого.

Наряду с эмансипацией существует другая тенденция, примитивизм, т. е. снова и снова возникающее стремление избавиться от сложных механизмов развитой культуры. Именно оно было основным стимулом протестантской Реформации, а затем, задолго до Руссо, возродилось в культе «благо-

родного дикаря». Дикарь со своими простыми верованиями — это здоровый, высокоморальный, безмятежный и, в общем-то, более достойный человек, нежели цивилизованный, которому приходится интриговать и обманывать ради собственного процветания. Это утопическое представление возвращается в конце XVIII в.; затем оно звучит в конце XIX в. в книге Эдуарда Карпентера «Цивилизация: ее причины и излечение»; проявляется в протестном движении 1960-х годов, когда молодежь ищет освобождения от цивилизации в коммунах и считает, как «дети цветов», что «all you need is love».

На протяжении пяти интересующих нас веков насчитывается дюжина таких тенденций. Они не являются ни «историческими силами», ни «причинами» того или иного процесса, но обозначают те желания, принципы, цели, которые скрываются за событиями и общественными движениями и порой воплощаются в устойчивых институтах. Я подчеркиваю это тематическое единство и преемственность не для того, чтобы предложить новую философию истории в духе Маркса, Шпенглера или Тойнби. Они считали, что история, будучи движима некой силой, стремится к единственной цели. Я остаюсь историком, иначе говоря, рассказчиком, который пытается распутать замысловатый сюжет, сотканный из поступков мужчин, женщин и подростков (о которых тоже не стоит забывать), чьи желания и являются движущей силой истории. Этот сюжет усложняют материальные условия, его результаты непредсказуемы, и никогда не бывает единого предвидимого исхода.

Такой рассказ всегда ведется не только о событиях и тенденциях, но и о личностях. Поэтому тут будут встречаться портретные зарисовки как вроде бы известных, так и не всегда памятных персонажей. Конечно, мы столкнемся с Лютером и Леонардо, с Рабле и Рубенсом, но также с Маргаритой Наваррской[5], Марией де Гурне[6], Кристиной Шведской[7] и рядом аналогичных фигур из других веков. Они предстают перед нами как личности, а не просто как действующие лица, поскольку история занимается конкретным и определенным, а не общим и абстрактным. Историки предлагают обобщения и дают имена «периодам» и «тенденциям» лишь для упрощения запоминания. Сама по себе история — это мысли и поступки когда-то живших на земле людей.

Но почему такой рассказ должен обязательно завершиться? В буквальном смысле, он, конечно, не обрывается и не рушится: Декаданс подразумевает всего лишь упадок. Это не значит, что те, кто живут в такой период, отличаются недостаточной энергией, талантом, или нравственностью. Напротив, это время действий, полное глубоких переживаний, но также исполненное беспокойства, поскольку утрачено четкое представление о дальнейшем пути и ощущение открытых возможностей. Все формы искусства, как и формы жизни, кажутся изжитыми, а стадии развития — уже пройденными, институты функционируют с трудом. Однако повторение и разочарование невозможно считать приемлемым результатом; скука и усталость — вот величайшие двигатели истории.

---

[5] Маргарита Наваррская (1492–1549) — сестра французского короля Франциска I, одна из первых женщин-писательниц во Франции, создавшей «Гептамерон» (1558).

[6] Мария де Гурне (1565–1645) — названная дочь Мишеля де Монтеня и его последовательница; автор работ «Равенство мужчин и женщин» (1622) и «Женское горе» (1626).

[7] Кристина Шведская (1626–1689) — королева Швеции.

Закономерно возникает вопрос, как историк определяет, что наступил период Декаданса? На это указывают откровенные признания в неудовлетворенности, поиск новой религии и веры. Так, недавно на христианский Запад пришли буддизм, ислам, йога, трансцендентальная медитация, Церковь объединения Муна и множество других культов, включая те, что ведут к групповым суицидам. Светское сознание воспринимает старые идеалы как безнадежно устаревшие, а потому практические цели превращаются в догмы, подкрепляемые жестокими действиями, будь то борьба с атомным оружием, глобальным потеплением или абортами, защита окружающей среды (вспомним, например, проект «Верните волка»), продвижение органических продуктов или декларативное неприятие науки и технологий. За этим негативизмом стоит стремление к примитивизму.

Активизм такого рода вбирает в себя всю потребность в действии, которая существует в застывшем обществе; любое действие правительства во имя общественного блага вызывает сопротивление на уровне города, провинции или целой нации. Всегда найдется группа людей — неважно, организованная или спонтанно сложившаяся, — которая готова выступить с противоположными правительственным, но столь же разумными аргументами. В результате мы имеем размытую враждебность к настоящему положению вещей, что объясняет упорное использование презрительных приставок *анти-* и *пост-* («антиискусство», «постмодернизм») и частые обещания «обновить» тот или иной институт. Кажется, что стоит избавиться от уже существующего, как сразу появится что-то новое.

* * *

Но даже если мы согласимся, что «наша культура» идет к концу, то почему именно отрезок в 500 лет? Что делает его целостным явлением? В качестве точки отсчета берется 1500-й год: с незапамятных времен он считался началом Нового Времени, и доводы в пользу такого выбора будут изложены в первых главах. Попутно читатель заметит, что отрезок в 500 лет или более мы именуем эрой: это достаточное количество времени для того, чтобы развивающаяся культура успела осуществить свои возможности. Период и эпоха охватывают более короткие отрезки.

Четкое следование этому правилу помогает прояснить ситуацию с понятием *модерн*, которое служит определением и той эпохи, что идет за Средними веками, и плохо определяемого периода, когда на свет появился «модернизм», датирующийся то 1880-м, то 1900-м, то 1920-м годом. Деления внутри «Нового Времени» будут заметно отличаться от тех, что можно видеть в учебниках, предметом которых, как правило, является всеобщая история. Взгляд на культуру требует другой расстановки. Три отрезка, каждый длиною приблизительно в 125 лет, проведут нас от Лютера к Ньютону, от Людовика XIV к гильотине и, наконец, от Гёте к Арсенальной выставке в Нью-Йорке (международной выставке современного искусства). Четвертый и последний отрезок охватывает период вплоть до сегодняшнего дня.

В оправдание такого деления скажем, что ключевыми вопросами первого периода (1500–1660) стали вопросы религии; второго (1661–1789) — статус личности и способов правления; третьего (1790–1920) — достижение социального и экономического равноправия. Последний период является суммой всех этих тенденций.

Каковы признаки новой эпохи? Появление или исчезновение живых воплощений определенных функций. Оглянитесь вокруг: куда пропали глашатаи? Где все те бездельники, что наблюдали за травлей медведей или смеялись у ворот Бедлама[8]? Разве сейчас кто-нибудь использует слово *благородный*, дабы восхвалить человека, или же, как Джон Рёскин, классифицировать типы искусства? Посмотрите на посвящение в книге: куда исчезли три или четыре страницы, наполненные лестью к лордам? Каждая из этих утраченных особенностей — признак изменений, произошедших в сфере технологий, в нравственном отношении, в социальной иерархии и в системе поддержки литературы.

Памятуя об этом, газеты любят порассуждать о так называемой свалке истории — понятие, которое позаимствовано у Августина Биррелля, английского писателя и члена Парламента, а отнюдь не Карла Маркса, как они ошибочно полагают. На деле эта свалка куда менее обширна, чем принято считать. На протяжении последних пяти столетий мы нередко видим повторы и возвращения к прошлому. Чтобы в этом убедиться, достаточно отметить нынешнее возрождение живого интереса к текстам Библии и к жизни Иисуса. Или же другой живчик, который мог бы попасть на свалку истории, но как-то уцелел: я имею в виду астрологические прогнозы в ежедневных газетах. Противостояние шаблонов редко закачивается полноценной победой одной из сторон: побежденный выживает и продолжает сражаться. Борьба никогда не прекращается.

Мы исходим из опыта Запада, предполагающего отважную готовность принимать другие народы, поиск экзотической новизны, бесконечный внутренний конфликт между господствующими философиями, регулярное появление достаточно глубоких изменений, которые позволяют говорить об исторических эпохах, а потому может показаться непоследовательным рассуждать о единой культуре, охватывающей половину тысячелетия. На деле тут нет никакого противоречия. Единство не значит единообразие, а самобытность совместима с изменениями. Никто не ставит под сомнение целостность личности одного человека с младенчества и до старости. Даже во время гражданской войны, когда разорваны все социальные и политические узы, культурные связи по-прежнему прочны и продолжают соединять противостоящие стороны. Обе говорят на одном и том же языке, борются с одинаковыми проблемами, имеют общее, полное ошибок прошлое. Обе находятся на одном уровне цивилизационного развития. Семья, тип правления, моральные нормы также не различаются. Они даже используют одинаковое оружие, похожим образом организуют войска, носят форму из одинакового материала, а наименование чинов и использование знамен и вовсе имеет общий смысл.

Последний вопрос: неужели идеи действительно обладают силой? Скептицизм в отношении их влияния на историю всегда был свойствен людям определенного склада. «Искусство и мысль должны применяться в надлежащих местах. Королева Елизавета I внесла бóльший вклад в формирование повседневной жизни современного англичанина, чем Шекспир», — скажет скептик. При детальном анализе этого высказывания критик мог бы заметить, что едва

[8] Психиатрическая Бетлемская королевская больница.

ли не главной проблемой правления Елизаветы I была угроза, исходившая от новых верований и их носителей — протестантов, боровшихся против католических соотечественников, т. е. конфликт тоже находился в плоскости идей.

Если последние пять столетий и можно рассматривать как единую эпоху, то только благодаря крепкой памяти, опирающейся на практику упорного ведения исторических записей. Наше особое отношение к истории, наша привычка спорить из-за нее превращают события в идеи, обладающие собственной силой. И такой тип обращения с прошлым возникает именно тогда, когда мы вступаем в «Новое Время».

JACQUES BARZUN

From dawn to decadence (prologue)

Translation and commentaries:

Abdulvasiev, Muminsho A.
Undergraduate Student,
Management Major, Liberal Arts College
Tel.: +7 (495) 43-32-562
E-mail: muminshoam@gmail.com
Berezhko, Irina A.
Undergraduate Student,
Advertising and Public Relations Major,
Liberal Arts College
Tel.: +7 (495) 433-25-62
E-mail: Beregol-25@mail.ru
Yermakova, Alina O.
Undergraduate Student,
History Major, Liberal Arts College
Tel.: +7 (495) 433-25-62
E-mail: lina.alina1996@yandex.ru
Yeryomina, Sofia S.
Undergraduate Student,
History Major, Liberal Arts College
Tel.: +7 (495) 433-25-62
E-mail: sofyaeremina@gmail.com

Introduction:

Neklyudova, Maria S.
Chair, Department of Cultural Studies and Social Communication,
School of Advanced Studies in the Humanities
Tel.: +7 (499) 956-96-48
E-mail: neklyudova-ms@ranepa.ru

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82

Abstract. We present a short excerpt from Jacques Barzun's book *From dawn to decadence: 1500 to the present: 500 years of Western cultural life* (2000), translated and commented by undergraduate students of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration as part of a course assignment.

Keywords: culture, cultural history, decadence, emancipation, Modernity, Great Books

To cite this article:

Barzen, Zh. (2017). Ot rassveta k dekadansu (prolog) [From dawn to decadence (Prologue). Trans. from Barzun, J. (2000). *From dawn to decadence: 1500 to the present: 500 years of Western cultural life*, xiii–xviii. New York: HarperCollins] (M. S. Neklyudova, Intro.; M. A. Abdulvasiev, I. A. Berezhko, A. O. Yermakova, S. S. Yeryomina, Trans. and Commentaries). *Shagi / Steps*, *3*(3), 177–186. (In Russian).

Received June 5, 2017